

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
РАЦИОНАЛЬНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК?**

№ 34 / 2016

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2016

УДК 327(100:470)

ББК 66.4(0),03+66.4(0),3+66.2(2Рос)

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член–корр. РАН **И.С. Иванов**

Авторы:

канд. ист. наук **А.В. КОРТУНОВ**; канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; канд. полит. наук **В.В. СУТЫРИН**;

И.А. Иванов; **А.П. Цветов**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**; **Д.М. Хаспекова**; **Н.С. Мухин**

М43 Международные отношения: рациональный мировой порядок?: рабочая тетр. № 34/2016 / [А.В. КОРТУНОВ, И.Н. Тимофеев, В.В. СУТЫРИН, И.А. Иванов, А.П. Цветов]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. 40 с. – Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978–5–9909275–7–5

От того, как мы понимаем этот мир, как выстраиваем иерархию и причинно–следственные связи происходящих в нем событий, зависит и то, как мы позиционируем в мире Россию, в чем мы видим самые привлекательные возможности или самые опасные угрозы для нашей страны. Данная рабочая тетрадь включает в себя два базовых материала о будущем мирового порядка и месте России в нем, а также комментарии молодых экспертов Российского совета по международным делам.

Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет–портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке – russiancouncil.ru/paper34

© Коллектив авторов, 2016

© Составление, оформление, дизайн обложки. НП РСМД, 2016

Содержание

Кортунов А. Неизбежность странного мира	4
Тимофеев И. Россия и мир: повестка на 100 лет	18
Сутырин В. Где искать альтернативу либеральному мировому порядку?	28
Иванов И. Либеральны ли нормы?	31
Цветов А. Мировой порядок и либерализм как метод	34
Об авторах	37

Неизбежность странного мира

Андрей
Кортунов

*«Как известно, действительность имеет
либеральные предубеждения».
Стивен Колберт*

В любом мало-мальски осмысленном разговоре о российской внешней политике отправной точкой неизбежно оказывается вопрос о состоянии и тенденциях развития мира в целом. От того, как мы понимаем этот мир, как выстраиваем иерархию и причинно-следственные связи происходящих в нем событий, зависит и то, как мы позиционируем в мире Россию, в чем мы видим самые привлекательные возможности или самые опасные угрозы для нашей страны.

Конечно, каждому патриоту (употребляю это слово без ставших привычными снисходительных кавычек) всегда мучительно трудно удержаться на объективистских, отстраненных позициях, оценивая окружающую его реальность. Очень не хочется видеть свое Отечество в положении «страны-дауншифтера», как не так давно высказался о России красноречивый глава «Сбербанка». Не хочется примерять к нему – не к «Сбербанку», а к Отечеству – роль вечно отстающего ученика с задней парты, которому в очередной раз светит малоприятная перспектива оказаться второгодником. Хочется прямо противоположного: позиционировать свою страну в компании глобальных лидеров, в кругу признанных победителей, найти Россию среди тех, кто формирует нынешнюю и будущую мировую повестку дня.

Наверное, именно поэтому осознанно или инстинктивно мы придаем особое значение тем тенденциям мирового развития, которые позволяют использовать реальные или воображаемые сравнительные преимущества нашей страны. И, наоборот, задвигаем на второй план или вообще игнорируем те тренды и те измерения мировой политики, в которые России встроиться пока никак не удается.

Осознанно или инстинктивно мы придаем особое значение тем тенденциям мирового развития, которые позволяют использовать реальные или воображаемые сравнительные преимущества нашей страны.

Эта избирательность в представлениях об окружающем мире вряд ли должна кого-то удивлять. На бытовом уровне мы сталкиваемся с ней повседневно. Кто из нас готов признать себя склочником, грубияном или грязнулей? Просто соседи попались какие-то вредные и недружелюбные, без крепкого словца сегодня не заставишь себя уважать, а вода такая мокрая, что принимать душ каждое утро решительно невозможно. «Наш мир относителен, его реальность зависит от нашего сознания», – не без оснований замечал Альберт Эйнштейн. Но даже и на бытовом уровне обычно преуспевают те, кто способен хотя бы иногда объективно и беспристрастно взглянуть и на окружающую действительность, и на свое место в этой действительности. Тем более это относится к каждому, кто претендует на научный анализ такой сложной и подвижной системы, как современная

мировая политика.

Четыре всадника Апокалипсиса

Чуть ли не в каждой обобщающей работе последнего времени, посвященной российской внешней политике, красной нитью проходит мысль о системном кризисе либерального мирового порядка. Для одних этот кризис – трагедия исторического масштаба. Для других – долгожданное подтверждение старых пророчеств. Для третьих – неожиданный подарок судьбы. При всем многообразии используемых методов диагностики главные симптомы кризиса усматриваются в следующем:

Во-первых, кризис либерального миропорядка прочно ассоциируется с относительным упадком Соединенных Штатов как глобального гегемона. Обращается внимание на снижение доли США в мировом ВВП, на многочисленные проблемы американской экономики и финансовой системы, на неудачные интервенции Вашингтона последнего времени (Ирак, Афганистан, Сирия), на рост антиамериканских настроений во многих регионах мира, на подъем изоляционизма в самих Соединенных Штатах. Из всего этого делается вывод, что эпоха *Pax Americana* осталась в прошлом, а вместе с ней – и сопутствующий американской гегемонии либеральный мировой порядок в целом.

Во-вторых, говорится о кризисе либерализма как политической идеологии.

Кризис либерального миропорядка прочно ассоциируется с относительным упадком Соединенных Штатов как глобального гегемона.

«Четвертая волна» демократизации, на которую возлагали такие большие надежды на рубеже веков, не утвердила господства либеральных ценностей ни в Восточной Азии, ни, тем более, на Ближнем Востоке. Россия и большинство других постсоветских государств так и не превратились в «зрелые» либеральные демократии западного образца; напротив, в своей политической эволюции они уходят от этого образца все дальше и дальше. А в мире, где либерализм терпит поражение за поражением, не может быть и либерального мирового порядка.

В-третьих, симптомом кризиса считается прогрессирующее снижение управляемости мировой системы. Упадок международных организаций (начиная от Организации Объединённых Наций, но также включая и Европейский союз, ВТО, Международный Валютный Фонд, Всемирный банк, «Группу семи» и другие базовые либеральные инструменты глобального управления), размывание фундаментальных принципов международного публичного права, увеличение числа вооруженных конфликтов и неспособность мирового сообщества справиться с этими конфликтами – все это признаки глубоких проблем современного мироустройства. Проблем, которые в рамках доминирующей либеральной парадигмы решить не удалось и уже вряд ли удастся.

В-четвертых, либеральный мировой порядок вполне логично связывается с процессами глобализации. А глобализация сегодня оказывается под огнем ожесточенной критики практически повсеместно: в развитых и в развивающихся государствах, в Европе и в Америке, со стороны политических попу-

листов и высоколобых интеллектуалов. Повсюду растут настроения протекционизма, национализма, антиглобализма. Итоги голосования по *Brexit* в Великобритании, неожиданный подъем Дональда Трампа в США, очевидное усиление правых радикалов в континентальной Европе – все это звенья одной цепи. Если в середине второго десятилетия XXI в. волна глобализации пошла на спад, то логично предположить, что и либеральному миропорядку жить остается недолго.

«Четвертая волна» демократизации не утвердила господства либеральных ценностей ни в Восточной Азии, ни, тем более, на Ближнем Востоке.

Таковы, как представляется, основные постулаты многочисленных критиков либерального миропорядка. Из этих постулатов делаются вполне предсказуемые выводы для российской внешней политики. О том, что эпоха относительного порядка и стабильности в мире закончилась и нужно готовиться к «войне всех против всех». О том, что старые нормы международного права теряют свое значение, и России также не следует особенно с ними церемониться. О том, что Россия должна стать одним из главных архитекторов и строителей постлиберального миропорядка. Попробуем разобраться, насколько полно и объективно эти представления отражают реалии современного мира.

Либеральный мировой порядок: базовые принципы

Зададимся простым вопросом: а что это такое – либеральный миропорядок? Существует множество определений данного довольно-таки расплывчатого понятия, акцентирующих внимание на тех или иных его особенностях. Либеральный миропорядок связывают с ролью международных организаций, с многосторонностью, с правами человека, с акцентом на «мягкую силу» в мировой политике, с отказом от силовых методов решения международных проблем и т. д. Не претендуя на истину в последней инстанции и заранее соглашаясь с обвинениями в редукационизме, позволю себе выделить три основополагающих принципа этого миропорядка, на которых строится большинство остальных его конструкций.

Прежде всего, в основе либерального взгляда на мировую политику лежит принцип **рациональности**. Это означает, что в либеральном мире внешняя политика определяется не мистическим откровением религиозного пророка, не очередным капризом всемогущего деспота и не мифологемами «национальной миссии», продуцируемыми таинственными и глубоко законспирированными «политическими элитами». Внешняя политика являет собой общий знаменатель многочисленных и разнонаправленных групповых интересов – политических, экономических, социальных, региональных, которые в своей совокупности и формируют национальные интересы страны. В этом смысле либерализм существенно отличается не только от холистических революционных идеологий, но и от родственного ему политического реализма. Последний, хотя и разделяет с либерализмом его рационалистическую основу, но в целом безразличен к внутренним факторам и механиз-

мам формирования и осуществления внешней политики государства. Иными словами, рационализм либерального взгляда на мир – это рационализм Джона Локка, а не Томаса Гоббса и уж, конечно, не рационализм Никколо Макиавелли.

Симптомом кризиса считается прогрессирующее снижение управляемости мировой системы.

Второй фундаментальный принцип либерального миропорядка – его **нормативность**. Идеал либерального миропорядка – единые для всех участников игры нормы и стандарты поведения. Нормы могут быть обязательными или добровольными, закрепленными в договорах или базирующимися на прецедентах, они могут осуществляться через международные организации, многосторонние режимы или непосредственно в отношениях отдельных государств друг с другом. Но нормы должны быть, и они должны быть общими для всех. Нет ничего хуже для либерального миропорядка, чем «игра без правил» или наличие различных наборов правил для отдельных регионов мира.

Наконец, третий принцип либерального миропорядка – это принцип **открытости**. По определению либерализм в мировой политике противостоит изоляционизму, протекционизму, закрытым «сферам влияния» и любым другим формам ограничения международного взаимодействия. Неслучайно именно либералы в 70–е годы прошлого века обратили внимание на явление взаимозависимости, а на рубеже XX и XXI вв. сделали своим знаменем глобализацию. Либеральный миропорядок базируется на предпосылке, что глобальная управляемость в той или иной форме не только желательна, но и практически достижима, и что повышение уровня управляемости мировой системы отвечает фундаментальным интересам всех ответственных участников этой системы.

Траектория распада или трудности роста?

Если исходить из такого определения либерального миропорядка, то часть аргументов его противников надо отменить сразу. Американская гегемония, строго говоря, с этим миропорядком связана лишь опосредованно. Конечно, роль США в создании современной системы международных отношений и международных институтов трудно переоценить, но основы этой системы закладывались еще в начале XIX в. или даже на пятьдесят лет раньше – в эпоху европейского Просвещения. Что же касается собственно Соединенных Штатов, то у Вашингтона отношения с либеральным миропорядком всегда были сложные: американская внешняя политика прошла и через строительство своего эксклюзивного «ближнего зарубежья» (Доктрина Монро начала XIX в.), и через стратегию изоляционизма (1920–е – 1930–е гг.), и через создание обширной системы неравноправных военно-политических союзов (вторая половина XX в.).

Соединенные Штаты в максимальной степени воспользовались теми возможностями, которые сопутствовали американской гегемонии в либеральном пространстве мира после Второй мировой войны, но в случае необходимости при реализации своих внешнеполитических стратегий лидеры

США легко пренебрегали и рациональностью, и нормативностью, и открытостью. И сегодня далеко не все в американской политике вписывается в рамки либерального миропорядка, хотя, конечно, американские президенты неизменно клянутся в верности его базовым принципам. Подчеркнем еще раз: американская гегемония и либеральный миропорядок – явления исторически взаимосвязанные, но отнюдь не тождественные друг другу.

Либеральный мировой порядок вполне логично связывается с процессами глобализации.

Отношения либерального миропорядка и либеральной идеологии также не вполне однозначны. Исторически фундамент этого миропорядка действительно создавался преимущественно либеральными демократиями Запада. Но в дальнейшем творение явно переросло своих создателей: приобретает универсальный характер, либеральный миропорядок перестал быть исключительным достоянием Запада. В большей или меньшей степени его принципы восприняло и большинство нелиберальных режимов – от Чили времен Пиночета до Китая эпохи Дэн Сяопина. Подавляющее большинство «незападных стран» – Индия и Турция, Бразилия и Индонезия, Вьетнам и Нигерия – всеми силами стремятся встроиться в либеральный миропорядок, справедливо полагая, что в рамках этой системы они получают наиболее благоприятные условия для своего социального и экономического развития.

Либеральный мировой порядок оказался шире, привлекательнее, «глобальнее» либерализма как политической идеологии. По той простой причине, что он не столько идеологическая платформа, сколько технический инструмент организации мирового экономического, а в какой-то мере – и политического пространства. Как технический инструмент либеральный миропорядок *mutatis mutandis* приемлем не только для либерального англо-саксонского мира, но и для социально-демократического мира континентальной Европы, для авторитарных режимов Восточной Азии и даже для теократических арабских монархий Залива.

В основе либерального взгляда на мировую политику лежит принцип рациональности.

Разумеется, новые участники системы требуют масштабных внутрисистемных реформ – доступа к принятию ключевых решений, перестройки существующих институтов, изменения тех или иных приоритетов и пр. Это естественно: ведь новые участники системы почти не были вовлечены в процесс ее создания в середине XX века. Но речь идет именно о реформах, а не о попытках создания нового (альтернативного) постлиберального миропорядка. Характерный пример – постепенный перенос глобальной экономической повестки дня из формата G7/G8 в формат «Группы двадцати»: состав участников изменился, общие принципы работы группы остались в основном теми же. Следовательно, кризис либерализма совсем не обязательно означает сопутствующий ему кризис либерального миропорядка.

Утверждать категорически, что в современном мире неуклонно растут нестабильность, насилие и анархия, едва ли было бы корректным. Тенденции

современного мирового развития как минимум противоречивы. Например, темпы ядерного распространения в последние десятилетия снижались, а не росли. В целом с начала столетия снижалось и число одновременно ведущихся в мире войн (в том числе и гражданских), хотя интенсивность конфликтов до 2014 г. включительно, напротив, возрастала. В любом случае, второе десятилетие XXI в. не выглядит принципиально более опасным или конфликтным, чем многие предшествующие ему десятилетия мировой истории.

Второй фундаментальный принцип либерального миропорядка – его нормативность.

Складывается впечатление, что критики либерального мирового порядка часто сознательно или несознательно драматизируют дезинтеграционные тенденции в мире и недооценивают противостоящие им интеграционные тренды. Например, сегодня много говорят о проблемах Евросоюза, включая миграционный кризис и *Brexit*, как об индикаторах последовательной, неуклонной и фатальной деградации Союза. Конечно, кризис миграции и *Brexit* – очень серьезное испытание для Брюсселя. Но не стоит забывать, что два-три года назад многие аналитики точно так же предрекали неизбежность распада еврозоны и Евросоюза в результате глобчайшего финансового кризиса. Однако сегодня можно заключить, что «реформы Ван Ромпея» позволили создать новые механизмы предупреждения и корректировки макроэкономических дисбалансов, усилить внутреннюю бюджетную дисциплину, сформировать европейскую систему финансового надзора и пр. По всей видимости, нельзя недооценивать гибкость и адаптивность институтов Евросоюза в нынешней очень сложной ситуации.

Точно так же нельзя недооценивать и устойчивость современной системы международного права. Безусловно, нормы этого права периодически нарушаются, в том числе и ведущими западными державами. Но такие нарушения были и раньше. Тем не менее сегодня система международно-правового регулирования мировой политики, экономики, финансов в целом более совершенна и эффективна, чем она была еще двадцать, а тем более – пятьдесят лет назад. Предметом международно-правового регулирования стали многие сферы, которые ранее были объектом исключительно внутреннего законодательства или вообще не подлежали правовому регулированию. То обстоятельство, что отдельные автомобилисты время от времени нарушают правила дорожного движения, не означает, что эти правила вообще не существуют, или что ими позволительно безнаказанно пренебрегать.

Есть ли альтернативы либеральному миропорядку?

Третий принцип либерального миропорядка – это принцип открытости.

В начале XIX в. в Англии возникли массовые стихийные протесты против внедрения технических нововведений в производство. Участники протестов громили заводы и фабрики, разрушали машины и оборудование, полагая, что они таким образом борются с бесчеловечной промышленной революцией. Эти выступления получили название движения луддитов.

Нынешние критики либерального миропорядка в чем-то напоминают английских луддитов. Они критикуют бесчеловечную глобализацию, безответственную национальную и международную бюрократию, жадность и эгоизм транснациональных корпораций. Они призывают к разрушению сложившегося уклада мировой политики и экономики, который им не нравится, и который – честно признаем – весьма далек от совершенства. Но что же конкретно они предлагают взамен?

Насколько можно судить, никакой сколько-нибудь последовательной, комплексной, детально прописанной альтернативы либеральному миропорядку на данный момент не предложено – ни отдельными государствами, ни коалициями государств. Существует множество политических манифестов, публицистических памфлетов и деклараций, постулирующих необходимость или неизбежность постлиберального мироустройства. Но в практическом плане пока речь идет лишь о гипотетических моделях, в лучшем случае – о черновых заметках, на скорую руку набросанных эскизах, очень слабо проработанных на экспертном уровне и, тем более, не прошедших серьезной проверки политической практикой.

Американская гегемония и либеральный миропорядок – явления исторически взаимосвязанные, но отнюдь не тождественные друг другу.

Первая возможная альтернатива либеральному миропорядку – возвращение в мир жестко сконструированных иерархических империй, закрытых региональных торговых альянсов и военно-политических блоков. Что-то вроде «Океании», «Евразии» и «Остазии» Джорджа Оруэлла с поправкой на геополитические реалии XXI в. Однако в современных условиях всеобщей взаимозависимости, глобальных производственных цепочек, общемировых финансов, трансконтинентальных миграций, глобализации образования, науки и технологий в подобную архаичную многополярность верится с трудом: отношения между странами и народами все больше определяются не какими-то судьбоносными стратегическими партнерствами, а бесчисленными конкретными договоренностями, частными соглашениями, общими техническими стандартами и согласованными регуляторными практиками. Поэтому, кстати, выход Великобритании из Евросоюза или неучастие Китая в Транстихоокеанском партнерстве (ТПП), скорее всего, не будут иметь тех катастрофических экономических последствий, которые нередко предсказывают любители «геополитических ужасиков», плохо осведомленные о том, как работает современная мировая экономика.

Либеральный мировой порядок оказался шире, привлекательнее, «глобальнее» либерализма как политической идеологии.

Вторая альтернатива – мир, организованный вокруг единой системы ценностей. Но какой системы? Если идеология либерализма находится в кризисе, а системная коммунистическая альтернатива вообще не дожидаясь до XXI в., то сегодня на роль универсального интегратора реально претендует только политический ислам. Идея «всемирного халифата» выступает как совре-

менное воплощение идеи «всемирной пролетарской революции». Трудно вообразить, что очередное издание вселенской утопии (или, вернее, анти-утопии) имеет какие-либо шансы на практическую реализацию. Да и, скорее всего, даже самые ожесточенные критики либерального миропорядка предпочли бы этот порядок прелестям жизни во «всемирном халифате».

Кризис либерализма совсем не обязательно означает сопутствующий ему кризис либерального миропорядка.

Третья альтернатива – распад мировых иерархий, международных организаций и режимов, «атомизация» мировой политики до состояния хаотичного и бессистемного взаимодействия отдельных суверенных государств друг с другом, бесконечная война «всех против всех». Теоретически такую альтернативу можно себе представить, хотя и не без труда. Но если отдельные государства будут не только бороться, но и как-то сотрудничать друг с другом, то у них неизбежно возникнет вопрос о нормативной базе, регулятивных механизмах, согласованных процедурах взаимодействия. Через хаос и анархию международных отношений все равно будут пробиваться ростки либерального миропорядка. В условиях глобальной взаимозависимости участники мировой политики неизбежно будут пользоваться либеральным инструментарием, независимо от того, как они его обозначат. Так, известный герой Мольера говорил прозой, даже не подозревая об этом.

Нынешние критики либерального миропорядка в чем-то напоминают английских луддитов. Они призывают к разрушению сложившегося уклада мировой политики и экономики, который им не нравится. Но что же конкретно они предлагают взамен?

Критики либерального мирового порядка утверждают, что он закрепляет привилегированное положение «золотого миллиарда» по отношению ко всему остальному человечеству. Однако история последних десятилетий свидетельствует о том, что именно фундаментальные особенности этого миропорядка (рациональность, нормативность, открытость) создают глобальные «социальные лифты», дающие возможность сотням миллионов людей в Азии, Латинской Америке и Африке перейти в категорию среднего класса. Именно либеральный миропорядок позволил десяткам стран резко повысить свой статус в мировой системе. Отказ от устоявшихся механизмов международной циркуляции товаров, капиталов, технологий и социальных практик не приведет к выравниванию социально-экономических условий между «золотым миллиардом» и остальными шестью миллиардами. Наоборот, существующие диспропорции будут только обостряться. Масштабные негативные последствия долгосрочного накопления социально-экономических диспропорций для региональной и глобальной стабильности более чем очевидны.

Таким образом, либеральный мировой порядок не единственный теоретически возможный вариант развития мировой политики, но это единственный вариант порядка в строгом смысле этого слова. И если современная международная система стоит перед выбором, то это не выбор между либеральным миропорядком и его полноценными альтернативами. Это выбор между

либеральным миропорядком и различными вариантами мирового беспорядка, хронической нестабильности и хаоса.

Сопrotивление материала

Одна из характерных уловок оппонентов либерального миропорядка состоит в следующем. Берутся наиболее радикальные представления об этом миропорядке из работ начала столетия или даже более раннего периода. Потом эти представления упрощаются и схематизируются, доводятся до формата примитивной карикатуры. А уж эта карикатура подвергается беспощадной, но вполне справедливой и обоснованной критике.

Такими удобными мишенями стали, например, известные работы «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы (1992 г.) и «Плоский мир» Томаса Фридмана (2005 г.). Но не стоит забывать, что, во-первых, эти работы задумывались авторами как своего рода интеллектуальная провокация, а во-вторых, они относятся к уже прошедшей исторической эпохе. Критиковать Фукуяму и Фридмана легко, но значительно более продуктивным был бы объективный анализ характера и масштабов обнаружившихся препятствий на пути реформы либерального миропорядка образца второй половины XX в. Речь, по всей видимости, должна идти о целом спектре взаимосвязанных проблем.

Отношения между странами и народами все больше определяются не какими-то судьбоносными стратегическими партнерствами, а бесчисленными конкретными договоренностями, частными соглашениями, общими техническими стандартами и согласованными регуляторными практиками.

Едва ли не основной из них оказалось стремление стран Запада и особенно Соединенных Штатов, так или иначе сохранить за собой привилегированные позиции в грядущем мироустройстве за счет «незападных» государств. Недавняя статья Барака Обамы в *Washington Post* о том, что именно США и их союзники, а не такие страны, как Китай, должны определять правила мировой торговли в XXI в. – очередная иллюстрация этого стремления. Особенность нынешнего американского внешнеполитического поведения, равно присущего таким разным президентам, как Джордж Буш-младший и Барак Обама, можно условно обозначить как «либеральный миропорядок шведского стола», когда Соединенные Штаты по своему усмотрению выбирают сферы мировой политики для многостороннего регулирования, при этом оставляя за собой максимальную свободу рук в других сферах. Типичный пример – многочисленные «разоруженческие» инициативы Вашингтона последних лет, вполне сочетающиеся с неоспоримым лидерством США в мировой торговле оружием и с колоссальными долгосрочными программами модернизации американского военного потенциала, в том числе и ядерного.

Сегодня на роль универсального интегратора реально претендует только политический ислам.

С другой стороны, сами «незападные» государства далеко не всегда готовы взять на себя ответственность за будущее системы международных отно-

шений. Критика существующего «западного» миропорядка со стороны «незападных» стран зачастую отдает декларативностью, если не сказать демагогией. Как и полвека назад, раздаются призывы к глобальному перераспределению ресурсов. Как и полвека назад, много говорится о правах новых игроков, но куда меньше – об их обязанностях и ответственности. Внешнеполитическое «взросление» потенциальных глобальных лидеров потребует времени и настойчивых усилий, а также готовности удержаться от соблазнов близорукого национализма.

К сожалению, нельзя исключать вероятность «цивилизационных срывов» отдельных стран и целых регионов – особенно тех из них, которые не справились с вызовами социально-экономической и политической модернизации. Например, трудно себе представить, как в обозримом будущем либеральный миропорядок сможет вобрать в себя Ближний Восток и Северную Африку. Более вероятными представляются те варианты будущего, при которых этот обширный регион – или значительная его часть – в течение долгого времени останется на периферии либерального миропорядка, лишь очень медленно и сложно вращаясь в его режимы и институты. Угроза оказаться на обочине и соблазн представить эту обочину как столбовую дорожку развития человеческой цивилизации грозят и другим регионам мира.

Либеральный мировой порядок не единственный теоретически возможный вариант развития мировой политики, но это единственный вариант порядка в строгом смысле этого слова.

Существенным препятствием оказывается и бюрократическая инерция международных организаций, созданных в другое время и для других целей. Упорное нежелание Международного Валютного Фонда или Всемирного Банка менять устоявшиеся традиции, процедуры и механизмы принятия решений вынуждают «незападные» страны создавать собственные параллельные институты, действующие в обход не реформированных западных организаций. Однако следует подчеркнуть, что эти параллельные институты (например, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций) в целом основаны на тех же либеральных принципах, что и их западные предшественники.

И, конечно, фундаментальной угрозой для либерального миропорядка остаются популистские движения, активно эксплуатирующие повсеместно существующие страхи перед загадочным, непонятым, непредсказуемым и, по всей видимости, враждебным и крайне опасным глобальным миром. Из трех принципов либерального миропорядка самым пугающим остается принцип открытости, но борьба против открытости в конечном счете перерастает в борьбу с рациональностью и нормативностью.

Сами «незападные» государства, критикующие «западный» мировой порядок, далеко не всегда готовы взять на себя ответственность за будущее системы международных отношений.

Таким образом, миропорядок XXI в. будет формироваться в острой борьбе старого и нового, в противостоянии между нисходящими и восходящими державами, между устоявшимися и вновь созданными международными

ми институтами, между победителями и проигравшими в процессе глобализации. Но если процессы глобализации в той или иной форме будут продолжаться, а взаимозависимость между государствами, обществами, отдельными институтами и индивидуумами будет расти, то потребность в глобальном управлении также будет возрастать. Собственно говоря, главная функция нового миропорядка – максимально использовать и демократически распределить новые возможности, предоставляемые глобализацией, и минимизировать издержки и риски, неизбежно ей сопутствующие.

То, что эти издержки и риски значительны, не вызывает никаких сомнений. Ясно также, что баланс возможностей и рисков между участниками мировой политики распределяется неравномерно. Малые страны несут больше рисков, чем большие, развивающиеся государства более уязвимы, чем развитые. Но все это лишь повышает требования к новой системе глобального управления, а не отменяет потребность в создании такой системы. Особенности либерального подхода к международным отношениям (рациональность, нормативность, открытость) позволяют надеяться, что уже начавшаяся борьба за будущее устройство мира не станет угрожать человечеству катастрофами регионального или глобального масштаба. Альтернативные подходы к мироустройству таких надежд не оставляют. Если в этих альтернативах и содержится какой-то оптимизм, то это, по меткому определению Александра Проханова, «эсхатологический оптимизм», уводящий нас за пределы земного мира.

Шахматы в трехмерном пространстве

Миропорядок XXI в., если он все-таки возникнет, будет иметь мало общего с либеральными теориями прошлого века, равно как и с его внешнеполитическими практиками. Образно говоря, если мировую политику XX в. можно уподобить игре в шашки на стандартной двухмерной доске, то политика нынешнего столетия больше похожа на игру в шахматы в трехмерном пространстве. Добавим, что сам трехмерный «куб», в котором начинается новая игра, в отличие от плоской доски, к тому же еще и не статичен – его грани постоянно растут, расширяя пространство игры и увеличивая количество вариантов ходов для все большего числа игроков.

Главная функция нового миропорядка – максимально использовать и демократически распределить новые возможности, предоставляемые глобализацией, и минимизировать издержки и риски, неизбежно ей сопутствующие.

Попытаемся определить правила этой новой игры хотя бы в самом общем виде, отталкиваясь от базовых принципов либерального миропорядка (рациональность, нормативность, открытость).

Будет ли система рациональной? Напомним, что рациональность в либеральной парадигме – это не изощренная многоходовая комбинация просвещенного – или не очень просвещенного – суверена, а сбалансированное представительство различных и разнонаправленных групповых интересов в международной сфере. Исходя из такого понимания рациональности, можно предположить, что новая система станет более рациональной, чем

нынешняя. Не потому что будущие правители ведущих стран мира окажутся демократичнее, мудрее или прозорливее нынешних. Но потому что многочисленные групповые интересы найдут больше возможностей реализовать себя в международной жизни непосредственно, минуя бутылочное горлышко внешнеполитического аппарата государства. Эту тенденцию мы наблюдаем уже сегодня в деятельности крупного бизнеса, международных профессиональных организаций, транснациональных институтов гражданского общества и т. д. Более того, государства все чаще будут вынуждены вступать в коалиции (государственно–частные партнерства) с этими негосударственными игроками, поскольку без таких партнерств государственная внешняя политика будет стремительно терять свою эффективность.

Миропорядок XXI в., если он все–таки возникнет, будет иметь мало общего с либеральными теориями прошлого века.

Будет ли система нормативной? Этот вопрос сложнее, чем вопрос о рациональности. Опыт последних лет показывает, что государственным лидерам становится все труднее добиваться согласования и принятия юридически обязывающих соглашений. Законодательные органы власти неохотно берут на себя новые обязательства, ратификация договоров затягивается, популисты повсеместно усиливают свои позиции, а апелляция к избирателям напрямую с использованием механизма референдумов часто приводит к результатам, прямо противоположным ожиданиям организаторов (например, референдумы 2016 г. в Нидерландах об утверждении соглашения об ассоциации ЕС с Украиной и в Великобритании о выходе страны из Европейского союза).

Можно предположить, что дальнейшее развитие нормативно–правовой базы мировой политики будет идти по линии увеличения числа добровольно взятых на себя государствами (а также и негосударственными игроками) обязательств и самоограничений, формально не являющихся юридически обязывающими. Например, США в целом выполняют положения Конвенции по морскому праву 1982 г., не входя в число участников Конвенции. Решения «Группы двадцати» не несут юридических обязательств для стран – участниц; выполнение этих решений отслеживается так называемым процессом взаимной оценки, имеющим исключительно консультативный статус. Однако, по всей видимости, такая эволюция не обязательно должна означать размывание правовой основы международной системы. В формирующемся миропорядке значение «политической репутации», «ответственности», «кредитной истории» государств будет возрастать, и любые нарушения даже добровольно взятых на себя обязательств неизбежно повлекут за собой многочисленные негативные последствия для нарушителей. За «плохую кредитную историю» придется платить все больше.

Можно предположить, что новая система станет более рациональной, чем нынешняя.

В–третьих, будет ли мировая система более открытой? Да, в том смысле, что она не будет опираться на гегемонию какой–то одной державы – будь то Соединенные Штаты или Китай. Это не означает, что в новом миропорядке не будет своих иерархий, – без них все равно не обойтись. Но иерархии будут

множественными, выстраивающимися вокруг конкретных международных проблем или областей сотрудничества. Например, хотя Соединенные Штаты гораздо сильнее и влиятельнее Канады почти во всех отношениях, в Арктическом Совете именно Канада (наряду с Россией), а отнюдь не Соединенные Штаты выступает как настоящая сверхдержава. С другой стороны, при всей несопоставимости размеров и потенциалов России и Южной Кореи, в иерархии мировой торговли Сеул стоит выше Москвы, поскольку южнокорейский внешнеторговый оборот в настоящее время более чем в два раза превосходит российский. Наличие множественных параллельных иерархий увеличивает число «точек входа» в систему и повышения своего статуса внутри системы, делая ее более демократичной, устойчивой и универсальной.

Другим принципиальным вопросом, по всей видимости, станет вопрос о поисках баланса между глобальными и региональными институтами. Регионализм не обязательно отменяет глобализацию или противостоит ей. Он может быть одним из проявлений глобализации. Решения, которые легче решить на региональном уровне, нецелесообразно переносить на глобальный уровень. Нет оснований полагать, что такие структуры, как Евросоюз или АСЕАН, должны рано или поздно раствориться в более широких глобальных режимах. Однако самозамыкание участников региональных объединений в скорлупе своих жестких структур и институтов, создание эксклюзивных «региональных порядков», несомненно, останется одной из главных угроз для либеральной международной системы.

Грядущий миропорядок и Россия

В замечательном советском фильме «Доживем до понедельника» есть небольшой, но эмоционально пронзительный эпизод. Главный герой картины – школьный учитель, которого играет Вячеслав Тихонов, разговаривает с матерью отстающего ученика о проблемах ее сына. Учитель говорит о серьезных трудностях мальчика в усвоении нового материала, а мать больше всего боится, что ее сына выгонят за двойки из ансамбля пляски дома пионеров. «Ему не ноги тренировать надо, а память и речь!», – не выдерживает Тихонов.

Заключение о глубоком и необратимом кризисе либерального мирового порядка – очень удобная позиция для тех, кто хотел бы упростить не только общую картину мира XXI в., но и вызовы, стоящие сегодня перед российской внешней политикой. Для тех, кто хотел бы продолжить тренировать ноги, а не память и речь. Если главное содержание политики в условиях надвигающегося распада мира и последующего неизбежного хаоса не процветание обществ, а выживание горстки по-настоящему суверенных государств, если национальным приоритетом в «игре без правил» станет безопасность, а не развитие, если базовой ценностью окажется стабильность, а не способность к переменам, то современная Россия готова к этой новой ситуации лучше, чем многие другие государства или их объединения. Надо лишь усилить те новые акценты в российской внешнеполитической практике, которые так ясно обозначились в последние несколько лет.

А если нет? Если, пройдя через очередной кризис, либеральный мировой порядок возродится в новом, более современном и универсальном формате?

Конечно, и в этих условиях дополнительный комплекс упражнений для ног не помешает. Но не нужно быть Нострадамусом, чтобы предсказать: в обновленной либеральной мировой системе традиционные активы российской внешней политики будут быстро девальвироваться. Это относится и к военному потенциалу, и к привилегированному положению России в ведущих международных организациях (в первую очередь – в Совете Безопасности ООН), и к ресурсно–энергетическому потенциалу страны.

При сохранении – и вероятном усугублении – существующих экономических и технологических диспропорций между Россией и Западом поддерживать стратегическое равновесие с каждым десятилетием станет все более сложной и затратной задачей. Роль Совета Безопасности ООН вряд ли будет возрастать в условиях хронической неспособности его постоянных членов договориться друг с другом по самым важным вопросам. А четвертая промышленная революция, по всей видимости, будет последовательно обесценивать традиционные активы ресурсо–ориентированных экономик, в том числе и России.

В обновленной либеральной мировой системе традиционные активы российской внешней политики будут быстро девальвироваться.

А если это так, то долг и обязанность патриота (употребляя это слово без кавычек) – обратить внимание на память и речь. На то, как расширить и обновить арсенал инструментов российской внешней политики. Как повысить эффективность нашей «мягкой силы» и публичной дипломатии. Как отладить инновационные механизмы сопряжения международных интересов государства, частного бизнеса и гражданского общества. Как более полно задействовать наш человеческий капитал в укреплении позиций страны за рубежом. Как бороться с настроениями ксенофобии, нетерпимости и изоляционизма, ставших столь распространенными у нас в последние годы. Как увидеть в процессах глобализации не только проблемы и вызовы, но и новые возможности и исторические шансы для России? Одним словом – как подготовить российское общество к «неизбежности странного мира», в котором, скорее всего, доведется жить нашим детям и внукам.

Россия и мир: повестка на 100 лет

Иван
Тимофеев

На протяжении как минимум последней пары сотен лет прогресс был ключевой ценностью и целью развития человечества. Достижения в науке, технике, государственном управлении, промышленности и менеджменте привели к беспрецедентным результатам. Резко упала смертность и в разы увеличилась численность населения. Уровень комфорта и обеспеченности различными техническими благами не имеет прецедентов. Существенно усложнилась социальная структура. Революция в области информации и биотехнологий открывает головокружительные перспективы. Все эти достижения, казалось бы, говорят о победе идеалов эпохи Просвещения – торжества рационального индивида над силами природы и социальными предрассудками. Индивид последовательно эмансипировался – освобождался от ресурсных и общественных ограничений, получал больше возможностей для самореализации.

Конечно, прогресс имел и обратную сторону. Достижения разума подчас обостряли деструктивность человеческой природы, сужали пространство свободы, приводили к колоссальным бедствиям. Ресурсы распределялись крайне неравномерно. Индустриализация войны, новые технологии власти и социального контроля, техногенные катастрофы периодически отбрасывали от достигнутых рубежей. Но каждый раз они же порождали новые волны прогресса. Вплоть до сегодняшнего дня прогресс и развитие остаются ключевым элементом легитимности подавляющего большинства государств и всех ключевых международных организаций.

Человечество до сих пор устремлено в будущее как в утопию – идеальное состояние мира, в котором решены ресурсные потребности, устранены конфликты, достигнуто равновесие человечества и его экологической среды.

По большому счету, человечество до сих пор устремлено в будущее как в утопию – идеальное состояние мира, в котором решены ресурсные потребности, устранены конфликты, достигнуто равновесие человечества и его экологической среды. В предельно технологизированном обществе мы продолжаем мечтать о «рае». И в этом смысле поведение и мотивация технократа мало отличаются от установок ключевых религий. С тем лишь отличием, что для технократа достижение «рая» – задача материальная, а для религиозного деятеля результат духовного труда.

История XX в., особенно второй его половины, показала принципиальную достижимость «рая» в технократическом смысле этого слова. Появился целый ряд развитых государств, добившихся серьезных результатов в области развития. Парадоксальным образом, технологический прогресс порождал серьезные сомнения философов и интеллектуалов относительно состояния «духа» в развитых обществах. Весьма показательна реакция незападных обществ – попытка сохранить культурную автономию даже при условии максимально полного заимствования западных технологий и менеджмента. Наиболее ярко подобная реакция проявляется сегодня в

исламском мире. Крайним и деструктивным выражением этого вектора стал радикальный исламизм с его апелляцией к религиозным корням и «первоосновам». Нельзя отождествлять ислам как мировую религию и радикалов, действующих от имени ислама. Но сама по себе тенденция радикальной эксплуатации религиозных идей весьма показательна.

Мы подошли к такому этапу развития человечества, когда прогресс перестает быть универсальной ценностью, а просвещенческое мировоззрение переживает кризис. Наступление «рая» в очередной раз откладывается. Это несет в себе вероятность глубочайших потрясений. И парадоксальным образом может означать «спасение» для целого ряда обществ.

«Спасение» и «рай» – два метафизических термина. Однако их использование для рационального понимания ситуации в современном мире вполне имеет смысл, если вспомнить имена как минимум двух ученых. Оба представляли естественные науки. И к их наследию стоит обратиться сегодня.

Сегодня мы наблюдаем столкновение двух концепций «рая» – рационалистической и религиозной.

Первый – Пьер Франсуа Ферхюльст (1804–1849 гг.). Бельгийский математик, создавший ряд моделей динамики популяции. Одно из его достижений – понятие ресурсной ниши. Каждая популяция (включая человеческую) для своего роста требует ресурсов. Как правило, они ограничены. Но такие ограничения являются «мягкими». Их можно преодолевать, создавая новые технологии или переходя в другие ниши. Другое дело, что это нелинейный процесс. Давление ограничений непропорционально усилиям по поиску новых возможностей. Такой поиск, как правило, запаздывает во времени – популяция продолжает какое-то время жить по-старому тогда, когда жить таким образом уже невозможно. Усилия по поиску ресурсов растут, но результат становится все меньшим из-за их истощения. Именно это и приводит к катастрофам – резким обвалам и кризисам. Подобные кризисы имеют хаотичный характер. Динамика популяции меняется внезапно, резко и ее направление предсказать невозможно. Выход на новую ресурсную нишу – это точка бифуркации, выбор из нескольких альтернатив. И выживание за счет расширения ниши – лишь один из вариантов. Другой вариант – деградация и гибель популяции.

В терминах Ферхюльста «рай» – это состояние, при котором ресурсы бесконечны. А значит, конкуренция за них не требуется и рост популяции и качества ее жизни – тоже бесконечен. В условиях же конечности ресурсов иллюзия «рая» может создать посткризисный выход на новую ресурсную нишу, когда ее освоение только начинается, ресурсов хватает на всех и конкуренция крайне низка. По мере истощения ресурсов «рай» превращается в «ад» – крайне интенсивную конкуренцию за сокращающиеся ресурсы. И «спасение» в этом случае предполагает выход на новую ресурсную нишу.

По большому счету идея прогресса подразумевает достижение «конца истории» – точки, в которой ресурсы либо бесконечны, либо общество организовано столь рационально, что поиск новых ресурсных возможностей происходит заранее. А значит, кризисы и катастрофы остаются позади. И

здесь уместно вспомнить другого ученого, заставшего триумф рациональности в послевоенные годы.

Итак, второй – Джон Кэлхун (1917–1995 гг.). Американский этолог, получивший широкую известность благодаря своему многолетнему эксперименту «Вселенная 25». Четыре пары здоровых грызунов были помещены в бак, который бесперебойно снабжался едой и водой, в нем поддерживалась комфортная температура, не было хищников, болезней и прочих угроз. Размеры бака, объемы воды, корма, гнезд для жизни и прочих ресурсов были столь велики, что позволяли прокормить и разместить почти четыре тысячи особей. В лабораторных условиях был создан настоящий мышиный «рай». Мыши могли спокойно размножаться, не заботясь о ресурсной нише. По сути, она была бесконечной. А значит, и популяция должна была как минимум достичь пределов бака.

Действительно, поначалу популяция мышей в баке росла экспоненциально. Однако со временем рост стал замедляться. На определенном этапе в райской колонии произошел надлом. В колонии появились изгои – молодые особи, которым не находилось места в сложившейся иерархии. Самцы стали терять интерес к размножению и конкуренции за самок. Самки стали более агрессивными, изолируясь от сообщества и уничтожая потомство. При избытке корма стал процветать каннибализм. Появилась группа «красивых» – самцов, которые тщательно ухаживали за собой, вели обособленный образ жизни и отказывались от размножения. Достигнув численности в 2200 особей, колония стала сокращаться. А вскоре окончательно вымерла. Это при том, что размеры бака позволяли разместить вдвое большее количество особей.

Модели Ферхюльста, эксперименты Кэлхуна хорошо иллюстрируют двусмысленность прогресса, а значит, и сложность его прогнозирования.

Иными словами, в «райских» условиях бесконечных ресурсов колония после бурного роста сначала пережила своего рода смерть естественных инстинктов и социальный надлом. А затем уже и физическую смерть. Эксперимент Кэлхуна в свое время широко обсуждался применительно к будущему человечества и отдельных цивилизаций. В частности, он по-новому обозначил проблему надлома и смерти цивилизаций, до того описанных Арнольдом Тойнби и Питиримом Сорокиным.

Модели Ферхюльста, эксперименты Кэлхуна (равно как и многие другие исследования) хорошо иллюстрируют двусмысленность прогресса, а значит, и сложность его прогнозирования. Сложность как методологического, так и этического плана. С методологической точки зрения очевидная сложность прогноза определяется нелинейностью развития социальных систем. Причем нелинейность проявляется даже тогда, когда созданы все условия для линейного и бесконечного развития, как это произошло в случае с мышиным «раем». Этическая же трудность заключается в том, что достижение «рая» само по себе не решает проблем, а точнее, создает новые, куда как более опасные.

Запуская проект «Мир через 100 лет», мы держали в уме обе эти трудности. Поэтому сознательно решили отказаться от попытки вообразить утопию –

выстроить целостную и непротиворечивую картину будущего, конца истории и, тем более, «рая». Но и отказ от размышлений о будущем по большому счету лишает будущего. Поэтому мы решили пойти другим путем – провести своего рода мозговой штурм представителей различных отраслевых направлений. Это разные картины столетней перспективы, написанные людьми с разным профессиональным опытом. Но подобная мозаичность представляется скорее преимуществом, чем недостатком. Она оставляет пространство для интеллектуального маневра и при этом дает читателю представление профессионалов в своих областях о будущем этих направлений.

В итоге мы получили более пятидесяти эссе, затрагивающих различные проблемы. Среди них – будущее политических границ, демографическая динамика, развитие языков, будущее СМИ, военные конфликты и технологии, терроризм, будущее государства, мировые финансы, киберпространство, энергетика, проблема эпидемий, дефицита ресурсов и многое другое. Каждое эссе дает профессиональный срез российских ученых о будущем этих областей.

Одним из ключевых вопросов в нашей работе стала проблема горизонта прогноза. Казалось бы, столетний период – слишком большой отрезок времени, чтобы делать какие-то конкретные прогнозы. Достаточно вспомнить, насколько радикально мир изменился за последние 100 лет. И насколько наивными оказались прогнозы столетнего будущего того времени. Тем не менее мы все-таки решили остановиться именно на данном отрезке. И тому есть как минимум три объяснения.

Во-первых, скорость изменений неодинакова. Она может как ускоряться (как это было в предыдущее столетие), так и замедляться. Взрывообразное развитие одних технологий вполне может сосуществовать с консерватизмом в других. Так, например, новые вариации электронной техники появляются каждые несколько месяцев. За очень короткий промежуток времени мы сменили громоздкие ПК на ноутбуки, а последние – на более компактные и многофункциональные планшеты и телефоны. Одновременно с этим, например, автомат Калашникова продолжает оставаться на вооружении советской и российской армии уже почти 70 лет и охотно используется более чем в пятидесяти странах. Более того, происходит конвергенция новейших и «консервативных» технологий. Один из примеров – интернет вещей, когда подключение к всемирной паутине значительно расширяет функционал, казалось бы, обычных предметов. Начиная с бытовой техники и заканчивая личным транспортом. Другой пример – передовые технологии наведения для достаточно старых систем вооружений. С помощью новых систем управления эффективность авиабомб образца семидесятилетней давности возрастает в разы.

Скорость изменений неодинакова. Она может как ускоряться (как это было в предыдущее столетие), так и замедляться.

Во-вторых, целый ряд технологий, институтов и социальных процессов весьма долговечны. Например, срок жизни атомного авианосца от проектирования до вывода из строя составляет более полусотни лет. Границы

государств могут меняться в одночасье, но после могут оставаться стабильными достаточно долгое время. Многие социальные институты, несмотря на современный динамизм, меняются десятилетиями и происходит это, опять же, нелинейно. Бюрократия вообще имеет свойство самоусиливаться, надолго консервируя те или иные институты. Революционная скорость изменений многих сфер вовсе не означает, что эта революция продлится долго. После революции нередко следует стабилизация, постепенное освоение новых ресурсных ниш.

В-третьих, прогнозируя будущее на коротких отрезках, эксперты склонны давать прогнозы–экстраполяции (все будет приблизительно как сейчас). Столетний горизонт тоже не застрахован от этого. Но он достаточно велик, чтобы выйти за пределы текущей конъюнктуры.

Представленные эссе позволяют сделать несколько предположений о будущем через 100 лет. Огрубляя, их можно свести к следующим базовым пунктам.

- 1) **В перспективе следующего столетия нас ожидает перелом глобальных демографических трендов.** Мы можем застать изменение тенденции последних ста лет, которые показали беспрецедентный рост населения. Скорее всего, в предстоящее столетие рост серьезно замедлится или даже уйдет в отрицательную зону. Такому положению дел будет способствовать распространение образцов репродуктивного поведения, присущего урбанизированным обществам (хотя это далеко не означает решения проблем развития и качества жизни).
- 2) **Население планеты станет более мобильным.** Этому будет способствовать как возможное нивелирование физических границ между государствами, так и уже достигнутый уровень развития коммуникаций. Универсализация английского языка как средства глобального общения будет подталкивать подобную интернационализацию. Мобильность населения может быть и вынужденной, спровоцированной политическими потрясениями и конфликтами.
- 3) **Мобильность населения и возможная стабилизация его роста не решит сама по себе проблему дефицита земли и ресурсов** в силу неравномерности распределения населения. Концентрация населения в городах поставит перед необходимостью новых решений в области организации городского пространства.
- 4) **Взрывной рост производства и распространения информации, по всей видимости, еще не достиг своих пределов.** Сегодня и в будущем проблему будет представлять не дефицит информации, а ее избыток. Как следствие – «перегрузка канала» и потребность в таргетированной подаче информации, адекватных средствах ее сортировки. Интернет вещей приведет к очередному росту информатизации. А возможная прямая связка информационных систем с деятельностью мозга человека (по сути, вживление сети в мозг) приведет к очередному перевороту в информационной сфере. Помимо новых возможностей, это поставит вопрос об автономии индивида, его свободе и защите от всеобъемлющего контроля со стороны государства и корпораций.

- 5) **В мире будет меняться баланс сил.** Неустойчивость мирового порядка чревата конфликтами между ведущими игроками и перекройкой границ. Государственные границы в целом ряде регионов изменятся. Уже сейчас эти процессы происходят на Ближнем Востоке и в Центральной Европе. Они вполне могут затронуть Африку и Центральную Азию. Границы будут меняться и в силу интеграционных процессов в отдельных регионах – для ряда успешных интеграционных группировок они просто отпадут за ненадобностью. Но эти же границы могут восстанавливаться столь же быстро под влиянием наплывов населения из кризисных регионов.
- 6) Одновременно **будет ускоряться революция в военном деле.** Старые военные технологии будут наполняться новой информационно начинкой. Возможен и качественно новый прорыв в управлении и применении вооруженных сил, достижении новых пределов скоротечности, дистанционности и автоматизированности современного боя. Радикально могут измениться образ авиации, ряда компонентов военно–морских и сухопутных сил, значимость космических сил. В свою очередь, это приведет к беспрецедентной роботизации и профессионализации армии. Одновременно массовое проникновение в общество информационных технологий оставляет шансы «массовым» армиям, но уже на новых технологических и управленческих принципах. Повседневные компетенции в области информационных технологий позволяют адаптировать их и к военным задачам. Сто лет назад то же самое происходило с индустриальными рабочими, которые быстро адаптировались к новым технологиям ведения войны и к новой технике.
- 7) **Конкуренция между государствами будет разворачиваться на фоне роста глобальных проблем.** Одна из них – новые инфекции и эпидемии. Их решение потребует развития институтов глобального управления. А это, наряду с другими факторами, вновь поставит на повестку дня вопрос о государственном суверенитете, пределах вмешательства во внутренние дела государства, легитимных инструментах подобного вмешательства. Противоречие между потребностью в глобальном управлении и суверенитете будет нарастать. По сути, это означает противоречие между попыткой выстроить мировой порядок и сохранить мировую анархию в международных отношениях.
- 8) **Возможно нарастание конкуренции правительственных и неправительственных игроков.** Ключевые конкуренты государства – транснациональные компании, обладающие финансовой мощью и доступом к информации о рынках. Однако компании лишены инструментов легитимного насилия. Им придется опираться на аппарат насилия государств для защиты и продвижения своих глобальных интересов. Террористы различных мастей – другой неправительственный конкурент государства. Развитие технологий будет делать инфраструктуру более уязвимой как для традиционных, так и для новых форм терроризма. Рост числа кризисных и «хрупких» государств – благоприятная среда для развития терроризма. Кибертерроризм – еще неосвоенная ниша для радикалов. Будущие сто лет будут связаны с растущей уязвимостью государства и человека в киберпространстве.

- 9) **Вместе с тем эрозия суверенитета, скорее всего, будет носить неравномерный характер.** Рост числа слабых государств будет сопровождаться усилением небольшого числа государств. Усилением как в смысле контроля собственного населения, так и возможностей проецировать мощь вовне. Слабые государства останутся ареной конкуренции ведущих держав в том случае, если лидерам не удастся выстроить эффективные институты глобального управления.
- 10) **Радикальные изменения произойдут в области энергетики.** Причем эти изменения могут диктоваться не столько дефицитом ресурсов, сколько изменениями среды – климатическими и экологическими сдвигами. Возможна радикальная перестройка мирового энергетического баланса. Более дорогая энергия солнца и ветра может оказаться востребованной в силу дороговизны преодоления последствий климатических изменений.
- 11) **Революционные изменения вероятны в области образования.** Дистанционное образование, радикальная смена карты профессий и принципиально новый уровень доступности и распространения информации повлияют как на природу университета, так и на другие образовательные институты. Образование может стать значительно более индивидуализированным – заточенным под нужды, особенности и интересы конкретного человека. Но специализация образования парадоксальным образом может идти рука об руку с деградацией универсального и фундаментального образования. При этом вложения в науку будут, вероятно, обгонять экономический рост.
- 12) **Трансформация политических идеологий – еще один значимый тренд.** Понятия свободы, авторитета, равенства, легитимности и другие фундаментальные политические категории будут наполняться новым смыслом. Это будет происходить, в частности, на фоне новой волны «паноптизма» – роста контроля над индивидом и сокращением пространства его реальной свободы, а также новыми условиями информационной среды, в которых игнорирование мнения масс будет крайне затруднительным. Вероятно, мы также увидим растущую конкуренцию светских и религиозных проектов государственного строительства.

Это лишь некоторые обобщения, которые можно сделать из совокупности экспертных взглядов на различные проблемы международных отношений, технологии и институты. Как видно, скучать человечеству не придется, оказываясь в кругу самых разнообразных проблем. «Мышиного рая» Кэлхуна нам, вероятно, удастся избежать. Что, конечно, не страхует от вполне человеческого «ада» в случае непреднамеренного применения ядерного оружия, эпидемий или климатических катастроф.

А что будет происходить с Россией? В числе таких переменных (факторов) отметим следующее:

Фактор 1. Способность России выстроить диверсифицированную экономику знаний, обеспечить высокий уровень технологической составляющей и добавленной стоимости в самом широком спектре отраслей – начиная от сельского хозяйства и добычи природных ресурсов и заканчивая обрабатывающими и машиностроительными отраслями. Возможность достичь

этого результата упирается далеко не только в политическую волю. Важен вектор изменений структуры российского общества. Новые идеи, технологии и добавленная стоимость порождаются в раскрепощенной социальной среде с высоким потенциалом мобильности. Изолированное, атомизированное и квазисловное общество вряд ли сможет самостоятельно порождать инновации. А их выполнение только по заказу «сверху» будет закреплять за Россией роль догоняющего. Благоприятная сырьевая конъюнктура может временно смягчать проблему. Но вряд ли создаст устойчивую основу для будущего. Вместе с тем роль сильного государства в поддержке раскрепощенного общества принципиальна. Без гарантии порядка и законности такое общество сорвется в анархию и произвол.

Фактор 2. Политическое устройство страны. Роль государства в развитии России традиционно была высокой. Все ключевые социальные потрясения XX в. начинались с кризиса государственности – неспособности политической системы отвечать новым запросам общества, меняющейся хозяйственной парадигме и вызовам внешней среды. Оно же впоследствии выступало локомотивом подъема и мобилизации сил страны. Очевидно, что копирование зарубежных образцов политической системы неприемлемо для России. Каждая такая система вырастает как ответ на собственные задачи, проблемы и противоречия. Поэтому вряд ли стоит упрощать альтернативы политического развития России противопоставлением демократии и автократии. Тем не менее устойчивость политической системы нашей страны будет определяться способностью государства обеспечивать обратную связь с обществом через систему реального представительства. Обеспечивать власть закона и независимость суда. Поощрять соревновательность и конкуренцию, особенно на низовом, региональном уровне. Очевидно, что такие условия таят в себя серьезные политические риски. Любой здравомыслящий лидер будет опасаться утраты контроля над ситуацией, потери управляемости над страной. Но и консервация системы, ручное управление, критическая зависимость от института лидерства – тоже таят в себе серьезные риски. Особенно для такой большой и сложной страны, как Россия. Тяжелейшие потрясения 1905, 1917 и 1991 гг. произошли из-за отказа вовремя и постепенно пойти на политические реформы. По всей видимости, выбор между концентрацией власти ради сохранения стабильности и политическими реформами ради избегания еще более худших последствий будет довлеть над политическими лидерами России в будущем. Каждый раз этот выбор будет крайне сложным. И каждый раз он будет ставить страну перед рисками автократии с одной стороны и анархии с другой. Стремительные изменения облика современного общества с его информатизацией и мобильностью делают данную дилемму еще более сложной. Ее решение потребует мудрости, здравого смысла, доверия и совместной кропотливой работы власти и общества.

Фактор 3. Территориальное устройство. Россия на протяжении всей своей истории представляла собой многосоставное общество с различными культурными, религиозными и экономическими укладами. За последнее столетие страна дважды переживала тяжелейшие процессы дезинтеграции. Каждый из них был связан с ростом этнического национализма на периферии. Угроза распада страны – одна из ключевых и закономерных фобий как общества, так и политической элиты. Один из ответов на данный вызов

состоял в федерализации страны, поиска баланса между самоуправлением регионов и сильной федеральной властью. Современная Россия смогла выстроить достаточно устойчивую систему централизованного федерализма. Однако ее будущая устойчивость отнюдь не гарантирована. Вызовом для нее является сокращение «ресурсного пирога» из-за изменений ценовой конъюнктуры. В условиях дефицита ресурсов одной из стратегий может стать повышение ответственности регионов за свое развитие. Но это будет означать и рост их политической самостоятельности в составе федерации, что порождает неизбежные риски потери управляемости со стороны центра. Так же, как и в случае с изменениями политической системы, любые трансформации федерального устройства будут представлять собой тяжелейшие дилеммы для руководства страны и для самих регионов. При том, что многие из них вполне комфортно чувствуют себя именно в централизованной федерации. Независимо от того, в какую сторону будет сделан выбор – большей или меньшей централизации, данный параметр представляется серьезным долгосрочным фактором развития страны.

Фактор 4. Влияние внешней среды. Все отмеченные потрясения России в XX в. происходили в непосредственной связи с внешними факторами. Смуты 1917 и 1991 гг. разворачивались на фоне острой внешнеполитической конкуренции. Внешняя угроза грозила самому существованию российской государственности и общества. И если в период Великой Отечественной войны это была прямая угроза со стороны нацизма, то в период холодной войны – подспудная угроза ядерного уничтожения. Причем единственным надежным способом нивелировать ее у обоих противостоящих блоков было наращивание собственных потенциалов и ядерное сдерживание.

Новый мировой порядок после окончания холодной войны так и не сформировался. И вместо гармоничной трансформации нас, скорее всего, ожидает полоса хаотичных изменений.

Новый мировой порядок после окончания холодной войны так и не сформировался. И вместо гармоничной трансформации нас, скорее всего, ожидает полоса хаотичных изменений. Источаются страховочные механизмы, которые могли бы уберечь ведущие мировые центры силы от военного противостояния. Проблема в том, что ограниченные конфликты вполне могут развернуться в масштабное столкновение. А при наличии в арсеналах ядерного оружия и новых видов вооружений – это крайне опасный сценарий.

Многое будет зависеть прежде всего от подходов к международным отношениям самой России, ее восприятия внешнего мира. Наша страна неизбежно будет оказываться между двумя крайностями. Первая – объективная потребность в интеграции в глобализующийся мир, заимствование лучших международных практик и компетенций. Сама Россия может дать миру многое. Вторая – потребность в безопасности, упреждении возможных вызовов и угроз военного и невоенного плана. А их в современном мире предостаточно. В сходной ситуации оказываются все ключевые игроки. Их способность действовать сообща и избежать конфронтации будет означать многое и для России, и для всего мира.

В конечном итоге подавляющее большинство наших авторов сходится в одном. Взаимозависимость в мире будет расти. Причем взаимозависимость касается угроз, а не только торговли, экономики или информации. А это поставит перед необходимостью решать дилеммы России в самой тесной связке с мировыми проблемами.

Где искать альтернативу либеральному мировому порядку?

Вячеслав
Сутырин

Действительно, альтернатива текущему либеральному мировому порядку отсутствует. Пока на этот счет у нас есть либо смутные догадки, либо теории, которые только предстоит проверить. Например, есть теория неомарксистов о перемещении центра мирового накопления капитала из Великобритании в США XX в., а в XXI в. – в Китай? (Джованни Арриги). (Правда, раньше командные высоты капитализма многие левые политэкономы прочили Японии, но жизнь внесла коррективы.) Оскомину набили популярные в свое время теории нового американского века. Сегодня в неоконсервативной среде США много говорят о возвращении международных отношений в XIX в. и новом столкновении авторитаристов и демократов в духе *Realpolitik*.

В российском экспертном сообществе обсуждаются варианты новой биполярности, в рамках которой Россия может возглавить движение неприсоединения. Сформулированы положения теории правого антиглобализма. Кстати, нельзя не отметить и то, что в последние годы заиграли новыми красками и некоторые постулаты «Столкновения цивилизаций» Самуэля Хантингтона.

Однако это пока лишь предположения, пусть некоторые из них весьма подробно проработаны теоретически. Перечеркивает ли это либеральный порядок сам по себе? Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько широко мы трактуем либеральный порядок. На таких абстрактных вопросах сломана не одна тысяча копий теоретиков. Так, например, у неомарксистов принято связывать существующий либеральный порядок с капитализмом. И ведущие имена в западной социологии сегодня вновь спорят: наступил ли конец капитализма?

Эти проблемы – предмет для сценарного анализа. Однако есть вопросы долгосрочные, например, удержит ли Запад командные высоты в мировой экономике и политике через некоторое количество лет. А есть вопросы насущные, например: что позволительно и непозволительно предпринимать государствам в текущих условиях, каким государствам, и кто это решает. Очевидного ответа на них сегодня нет.

Ограниченная рациональность

Среди одного из «китов» современного либерального порядка Андрей Кортюнов называет многостороннюю рациональность как способность различных сил договариваться. Он выдвигает гипотезу, что в связи с увеличением акторов и переменных в уравнении международных отношений игра здесь будет все больше напоминать не шашки, а шахматы, причем многомерные. И здесь мы не можем обойти вниманием то, что ученые называют ограниченной рациональностью (*bounded rationality*). Речь идет о том, что в ситуации, когда приходится иметь дело со слишком большим числом факторов, просчитать которые полностью невозможно, человеческий ум склонен концентрироваться на нескольких ключевых направлениях. Как правило, это острые

проблемы, которые требуют немедленного решения. Остальное приходится откладывать. Конечно, не исключено, что мы сами, вольно или невольно, можем создавать проблемы, чтобы «собраться» в ситуации тотальной неопределенности. Несколько человек с повязками на глазах, находясь в одной комнате, рано или поздно столкнутся. Именно поэтому сегодня ни одно из государств всерьез не ставит своей задачей демонтаж либерального порядка. Основные противоречия имеют, как правило, региональный характер. Последние проблемы в отношениях между США и Россией, Китаем, Турцией подтверждают этот тезис, хотя конфликты пока носят управляемый характер (что не отменяет риска неконтролируемой эскалации).

Сегодня ни одно из государств всерьез не ставит своей задачей демонтаж либерального порядка.

Однако ситуация усугубляется корпоративным духом – будь то крупных корпораций или национальных правительств, которые стремятся продавить свои интересы за счет «чужих» или как минимум «не дать слабину». Это классические постулаты теории реализма, которые все больше напоминают о себе в последние годы.

Хочется надеяться, что либеральные начала рациональности как способности к учету различных интересов все же восторжествуют в данном случае, хотя уверенности в этом нет. Как нет и уверенности, что удастся избежать нового витка протекционизма. Конечно, сейчас ситуация принципиально иная, чем была после Второй мировой войны (и тем более до ее начала), когда региональные объединения, самое яркое из которых – ЕС, создавали свои блоки с целью протекционизма и развития собственной промышленности. Тогда был другой этап развития мировой экономики, сопровождавшийся послевоенным восстановлением и рывком в технологиях.

Изменение методов управления, скорее всего, лишь вопрос времени.

Сегодня доходность инвестированного капитала в целом снижается. И индустриальная революция пока не привела к прорывам на этом фронте. Феномен отрицательных ставок до сих пор вызывает недоумение у многих экономистов. Капитал все больше устремляется в узкие сферы, например, информационных услуг с двузначными показателями годового роста, но эти сферы сравнительно малы и зачастую слишком рискованны, чтобы обеспечить доходность инвестиций и рост послевоенного периода, принесшего беспрецедентный прогресс в мировой либерализации торговли. В итоге под угрозой оказываются, быть может, главные социальные завоевания XX в. – государство всеобщего благосостояния и средний класс. Это увеличивает дисбаланс. Очевидно, в ряде развивающихся стран в последние годы средний класс возник как раз за счет встраивания в мировую экономику. Впрочем, и дисбаланс здесь, как правило, глубже, а риски – выше. А экономических ресурсов пока недостаточно, чтобы прийти к уровню потребления, сопоставимому с западными стандартами. Следовательно, изменение методов управления, скорее всего, лишь вопрос времени.

Как правило, договариваться в широком формате об открытии рынков тем сложнее, чем меньше становится норма прибыли. Чем меньше денег, тем болезненнее решения и больше риски для национальных бюджетов. Впрочем, многие экономисты сходятся во мнении, что взрыв региональных торговых соглашений, наблюдающийся в последние два десятилетия, связан не только с распадом коммунистического блока, но и с усиливающимися противоречиями и сложностями в достижении последующих этапов снятия барьеров в рамках ВТО, то есть на глобальном уровне. Хотя очевидно, что правила ВТО пока остаются в силе, и оба процесса все еще дополняют друг друга. Однако экономические и, главное, политические последствия новых региональных соглашений, в том числе с лидирующей ролью США, пока предсказать сложно.

Все это усиливает непредсказуемость международной обстановки. В этой ситуации все больше приходится опираться на твердую землю географии («возвращение геополитики»), либо на ценностные и концептуальные ориентиры. Когда точно обозреть ландшафт не удастся, приходится доверять карте, которая может и соврать.

В этой ситуации ряд государств, прежде всего в силу исторических предпосылок, претендуют на то, чтобы самостоятельно определять свой вектор во внутренней и внешней политике, а не следовать чужой карте, уверенности в которой поубавилось, особенно после кризиса 2008 г. Это оказывается еще актуальнее в развитии технологий информационных противоборств.

При этом никто всерьез не бросает вызов либеральному миропорядку или США как единственной сверхдержаве. Но каждый по-своему пытается защищать свои позиции в регионах стратегических интересов. Достаточно ли этого, чтобы провозгласить крушение старого мирового порядка? Очевидно, что нет.

Экономические и, главное, политические последствия новых региональных соглашений, в том числе с лидирующей ролью США, пока предсказать сложно.

Однако это не освобождает от тяжести выбора маршрута движения в условиях низкой видимости. И здесь приходится делать выбор: полагаться на себя или довериться другому. Если довериться, то никогда нельзя быть до конца уверенным, что распределение издержек будет справедливым или хотя бы приемлемым. А если каждый пойдет своим путем, то велик риск столкнуться головами. Нельзя исключать, что именно такой расчет стоит за многочисленными попытками (успешных среди которых намного меньше) создать региональные объединения на основе интересов торговли, безопасности или культурно-гуманитарной близости. Хотя, наверняка, играет роль и традиционная закономерность с позиций реализма: усиление одного из игроков способствует сплочению других. Будем надеяться, что существующая архитектура мировых институтов во главе с ООН, а также риск ядерного противостояния помогут удержать ситуацию под контролем.

Либеральны ли нормы?

Илья
Иванов

*Hominum causa omne jus constitutum est.
Всякое право установлено ради людей.*

В крайне интересной и провоцирующей на размышления статье А. Кортуннов определил три основных составляющих «либерального миропорядка»: рациональность, нормативность и открытость. Хотя, на мой взгляд, ни одно проявление человеческой деятельности – тем более столь сложное и запутанное, как международные отношения, – нельзя описать одной-двумя «большими теориями», будь то либерализм, реализм или индекс Биг-Мака, при чтении статьи возник вопрос: почему нормативность присуща либерализму? Либеральны ли нормы?

Простой ответ: нет. Нормам, если честно, всё равно, что о них думают либералы или реалисты, – они существуют и применяются вне зависимости от какой-либо иной парадигмы, кроме правовой.

Примечательно, что «нормативность» в некоторых древнейших сообществах связана с консервативностью – по крайней мере, точно не с «либерализмом», что бы ни понималось под этим понятием. Так, Цинь Шихуанди, первый император, объединивший Китай в 221 г. до н.э., был приверженцем легизма (кит. 法家, *фацзя*) и в некотором роде «верховенства закона», что не помешало ему расправиться в крайне нелиберальной манере с центральным персонажем фильма «Герой».

Можно взглянуть и на более современные нормы, действующие до сих пор. Основные международные документы, защищающие личность от государства, будь то Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. или Конвенция против пыток 1984 г., были подписаны в то время, когда реализм/неореализм был господствующей теорией международных отношений. Такой же вывод применим и в отношении многих других международных документов: ГАТТ 1947 г., Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. В конце концов, ряд договоров о ядерном разоружении был подписан между двумя конфликтующими сторонами холодной войны не в связи с их приверженностью к идеалам либерализма.

Нормы существуют и применяются вне зависимости от какой-либо иной парадигмы, кроме правовой.

Читатель, разбирающийся в вопросах права, может вполне закономерно задать вопрос: меняется ли фокус на разные источники права в зависимости от парадигмы? Если да, то реализм должен стремиться к позитивизму, то есть следованию букве закона так, как об этом договорились страны. К счастью, это не совсем так: почти весь Нюрнбергский процесс, например, был построен на обычном международном праве, так как на многие из конфликтующих сторон во время Второй мировой не распространялись Женевские конвенции 1929 г.

Почему же нормам всё равно, что о них думают?¹

Право, законы, нормы связаны не столько с «главенствующими парадигмами» или любыми другими конструктами в головах политиков. В конце концов, более либеральный (несомненно, по меркам III в. до н.э.) Лю Бан, пришедший после Цинь Шихуанди и основавший династию Хань, оставил часть легистского наследства, пусть и в более мягком виде. Вопрос был не в легизме или конфуцианстве (пиетет к которому возрождал Лю Бан), но в сохранении нормативности.

Любому обществу необходимы нормы. На начальном этапе развития человечества эту роль выполнял обычай – точно таким же образом, как обычай в международном праве помог привлечь к правосудию (часть) военных преступников во время Нюрнбергского трибунала и продолжает выполнять важную роль в международных отношениях до сих пор (например, в вопросах, связанных с делимитацией морских границ).

Нормы со временем кристаллизуются в более чёткие правила, оформляются в договоры и конвенции, обрастают механизмами обеспечения их соблюдения. Право становится «честнее» с развитием человеческого общества – причина бурного развития соблюдения и защиты прав человека и международного гуманитарного права со второй половины XX в. до сегодняшнего дня мало связана с либерализмом как таковым, но с элементами, которые к нему могут относиться: уходом от (открытой) дискриминации в обществе, повышением роли индивидуума, новыми вехами развития человечества в целом.

Право становится «честнее» с развитием человеческого общества – причина бурного развития соблюдения и защиты прав человека и международного гуманитарного права со второй половины XX в. до сегодняшнего дня мало связана с либерализмом как таковым.

Может быть, причина не в «господствующей парадигме международных отношений», но в чём-то более базовом, понятном каждому?

Трагедия Второй мировой войны привела нас к осознанию важности защиты человека, его жизни и достоинства – так, в 1949 г. появились новые Женевские конвенции, расширившие защиту международного гуманитарного права. Ужас холокоста отразился в принятой в 1948 г. Конвенции о предупреждении преступления геноцида. Множественные территориальные споры вынудили страны договориться о Конвенции по морскому праву. Войны на территории бывшей Югославии стали стимулом для развития международного уголовного права.

Несмотря на то, что и сейчас мы слышим про ужасающие нарушения права – уничтожение госпиталей, обстрелы гуманитарных конвоев, пытки в секретных тюрьмах, даже «сильные мира сего» чаще придерживаются права. Как часто говорил на занятиях по международному гуманитарному праву профессор Марко Сассоли, «сложно найти такого идиота, который не

¹ На самом деле, конечно, их это тоже волнует – и как заметит вездливый читатель, знающий про разные источники права, интерпретация права не менее важна, чем кодификация. В некоторых случаях интерпретация права решает всё: должны ли мы интерпретировать право на самоопределение как более важное или релевантное, чем право на территориальную целостность, или наоборот?

будет соблюдать право во время вооружённого конфликта, – риски слишком высоки». Что, к сожалению, не означает что международное право, как и любое другое, не знает нарушений.

Вне зависимости от того, с какой политологической точки зрения подходить, со многими наблюдениями и выводами А. Картунова невозможно не согласиться. Нынешние события в мире напоминают 1930–е гг., порой до пугающих деталей: открыто ксенофобская риторика, приход крайне правых сил посредством популистских лозунгов через демократические выборы, нарастающая критика основных институтов международного сотрудничества (Лиги Наций в XX в., ООН в XXI в.), «бескровная» аннексия части других государств под предлогом защиты своей этнической группы.

Однако все, кто желает повторить историю середины прошлого века, должны помнить: каждый Мюнхен в итоге приводит к Нюрнбергу.

Мировой порядок и либерализм как метод

АНТОН
ЦВЕТОВ

На днях генеральный директор РСМД Андрей Кортунов опубликовал на сайте Совета обстоятельную критику в адрес всех тех, кто уже похоронил либеральный мировой порядок. Текст А. Кортунова совершенно обязателен к прочтению для тех, кто хочет сегодня быть в курсе длинной заочной дискуссии о фундаментальных принципах мировой политики и месте России в современном мире.

Оспаривая аргумент о том, что кризис либерализма как политической идеологии означает кризис либерального мирового порядка, А. Кортунов отмечает:

«Либеральный мировой порядок оказался шире, привлекательнее, «глобальнее» либерализма как политической идеологии. По той простой причине, что он не столько идеологическая платформа, сколько технический инструмент организации мирового экономического, а в какой-то мере – и политического пространства».

На мой взгляд, этот тезис требует развития, и его разработка может дать нам дополнительные аргументы в пользу живучести либерального мирового порядка и даже в очередной раз привести нас к тезису о «конце истории» в его более точной интерпретации. Это развитие будет строиться вокруг моего искреннего убеждения, что наш образ действия в отношении окружающего мира неотделим от образа его познания.

Да, либерализм как учебник по организации политической жизни государств перестал удовлетворять нашим требованиям. Он перестал порождать внешне стабильные и процветающие политические системы. Но это произошло только лишь потому, что многие либералы стали теми, против кого намеревались бороться – они стали догматиками.

Догма – это всегда ожидание регулярностей, а значит, догматик всегда готовится к прошедшей войне, следовательно, всегда проигрывает. И вот либералы перестали ставить все под сомнение и жаждать вечных перемен и вместо этого обросли заранее заготовленными рецептами. Наверное, устали. Причем произошло это в период резких и разнонаправленных перемен во всех сферах общественной и международной жизни, когда закономерности сменяют друг друга с огромной скоростью.

Эта потеря авторитета либеральной идеологии «внутри» сказалась и на авторитете либерального мирового порядка как системы, создававшейся условно либеральными демократиями для либеральных демократий. Именно это ограничение оказалось одной из причин нынешнего кризиса. Но можем ли мы вернуться к более совершенной идеологии либерализма и, вооружившись ей, снова перейти границу национального и применить эти принципы на глобальном уровне?

Считаю, что либеральная парадигма все еще может оказаться нам полезной для размышления о мировом порядке. Как было не раз верно замечено – либерализм это не цель, а средство. Это метод. Познание без заранее

известного результата, готовность быть переубежденным и изменить свои убеждения, а с ними свое поведение. Это значит, что либералы находятся в вечном поиске. Так же, как реалисты, либералы осознают ограничения естественных способностей человека (в том числе умственных). Более того, вера в это несовершенство – краеугольный камень политической свободы.

Либеральная парадигма все еще может оказаться нам полезной для размышления о мировом порядке. Как было не раз верно замечено – либерализм это не цель, а средство. Это метод.

Вырабатывать актуальные ответы на стоящие перед обществами вопросы можно только в условиях открытости. Сегодня это будут одни ответы, завтра – другие. Традиционалисты всегда обвиняют либералов в том, что для них нет ничего святого – ни веры, ни долга, ни обычаев, ни расы, ни класса, ни богов, ни господ. Это не совсем так. У либерализма есть свои кумиры, хоть их и немного – вера в естественные права, верховенство закона и в то, что свобода лучше, чем несвобода.

За пределами этого либеральная парадигма не запрещает нам ничего. То, что мы привыкли называть либерализмом и особенно то, что часть российского общества презрительно называет «либерастией» – лишь одна из интерпретаций этих ценностей, их преломление в конкретные политические и социальные практики, затвердевшие когда-то и применяемые до сих пор.

В этом смысле либеральная парадигма поиска формы сосуществования наций никуда не делась. Более того, она все еще может дать нам работающее решение, так как обладает удачным сочетанием системности и гибкости. Принципы рациональности, нормативности и открытости, о которых пишет А. Кортунув, разумны и достаточны для того, чтобы система международных отношений была адаптивна и устойчива.

У либерализма есть свои кумиры, хоть их и немного – вера в естественные права, верховенство закона и в то, что свобода лучше, чем несвобода. За пределами этого либеральная парадигма не запрещает нам ничего.

Когда Фрэнсис Фукуяма писал о «конце истории», он говорил не совсем о том, о чем нас учат на первом и всех последующих курсах МГИМО. Ф. Фукуяма считал, что история – это борьба между стремлением к превосходству (мегалотимией) и стремлением к равенству (изотимией). К концу XX в. решение этой проблемы было найдено в форме либерального капитализма – той формы общественной организации, где эти человеческие потребности находятся в балансе. Либеральный мировой порядок, а точнее, либеральный подход к его осмыслению, дает нам те самые рамки примирения мегалотимии и изотимии со стороны более крупных образований – государственных и негосударственных акторов мировой политики.

Три либеральных принципа мирового порядка, если рассматривать их как механизм мышления, преломляются следующим образом:

Рациональность. Пытаясь найти ответы на глобальные вызовы современности, мы должны исходить из познаваемых категорий при понимании ограни-

ченности такого познания. Мистическим концепциям вроде национальной судьбы, исторической правды или духа нации места здесь не будет. Не в меньшей степени, чем реалисты, либералы осознают тесное переплетение интересов, которое определяет динамику мировых процессов. Более того, примат эгоистических мотивов очевиден, но разве нам не по силам создать институты, где реализация таких устремлений могла бы быть возможна для максимального количества акторов (вспоминаем Бентама и «максимальное счастье максимального количества людей»)?

Нормативность. Подобно неподвижному движителю, у либерального свободолюбия есть деспотическое начало в виде естественных прав, которые служат и ограничением для поведения всех без исключения акторов. Размышляя о мировом порядке в поиске более совершенного решения, мы должны все же думать об институтах, о той самой клетке, которая запрет игрокам в пределах «правил игры». Как верно заметил Исая Берлин, всегда найдутся две ценности, которые одинаково существенны и однажды вступят друг с другом в конфликт. Именно поэтому нам и нужны базовые ценности, чтобы сама невозможность сделать выбор нас не парализовала.

Открытость. Никакие концепции, кроме тех, что вырывают нас за пределы ценностей, определенных принципом нормативности, не должны оказаться под запретом, когда мы ищем эффективную форму отношений акторов мировой политики. Более того, принцип открытости диктует невозможность финальности таких форм отношений. Как раз в этом смысле «конца истории» случиться не должно. В каком-то отношении наша цель является средством, а средство – целью. Либерализм как метод поиска лучшего мирового порядка навсегда останется только лишь методом, потому что идеала достичь попросту невозможно.

Иными словами, такого рода либерализм может быть лишь механической концепцией, и ни в коем случае – телеологической. Он может и должен сам привести нас к более совершенным международным системам, но не может служить целью такого движения. Герцен предостерегал нас от того, чтобы ставить цель выше средств. Потому что в этом случае мы начинаем приносить жертвы, в том числе человеческие. Меж тем живущие люди – реальные и действительные, в то время как цели и идеалы подчас оказываются лишь фантомами.

Об авторах

Андрей Вадимович Картунов, канд. ист. наук, Генеральный директор Российского совета по международным делам.

Иван Николаевич Тимофеев, канд. полит. наук, Программный директор Российского совета по международным делам.

Вячеслав Валерьевич Сутырин, канд. полит. наук, Главный редактор аналитического портала *Eurasia.Expert*, директор по исследованиям Центра изучения перспектив интеграции МГУ имени М.В.Ломоносова.

Илья Александрович Иванов, Женевская академия международного гуманитарного права и прав человека.

Антон Петрович Цветов, эксперт Центра стратегических разработок.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) – некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повысить эффективность внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Члены РСМД – это ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей КОРТУНОВ. В 1995–1997 гг. Андрей КОРТУНОВ занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Для заметок

Российский совет по международным делам

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
РАЦИОНАЛЬНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК?**

Верстка – О.В. Устинкова

Источники фото на обложке:

справа наверху: REUTERS / Alessandro Bianchi / Pixstream;

слева внизу: REUTERS / Tyrone Siu / Pixstream;

справа внизу: REUTERS / Alexander Demianchuk / Pixstream.

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,5. Тираж 350 экз.

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ (РСМД)
119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1
Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
E-mail: welcome@russiancouncil.ru
www.russiancouncil.ru